

Книга издана при финансовом содействии
международного фонда
«Культурная инициатива»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Книга, которую держит в руках читатель, не вполне обычна по теме, жанру и названию, и потому требует некоторых предварительных пояснений.

Она возникла из повседневной филологической работы. Как у всякого историка литературы, по роду своей профессии занимающегося чтением, изданием и толкованием старых текстов, у автора за долгие годы накопились десятки наблюдений и разысканий, поясняющих, комментирующих темные, неясные или ошибочно объясненные места. Такие разыскания обычно становятся достоянием специалистов; между тем они вполне доступны и могут быть интересны гораздо более широкому кругу читателей и любителей классической литературы. В расхожей чеховской формуле «важен не Шекспир, а примечания к нему» ирония, право, напрасна: без «примечаний» неискушенный читатель вряд ли что-нибудь поймет и в самом Шекспире, — или, что еще хуже, поймет совершенно превратно, о чем не будет даже догадываться. Это относится и к произведениям русской классики, созданным в относительно близкое к нам время: сто — двести лет назад. Чтобы понимать их правильно, то есть в соответствии с замыслом их автора, нужна историческая ориентация, знание «правил игры». Читая,

- © В. Э. Вацуро, 1994
- © Гуманитарное агентство
«Академический проект»,
1994
- © С. К. Русаков, оформление,
1994

ISBN 5-7331-0007-9

например, пушкинское послание, мы не обойдемся без сведений о его адресате, порой очень подробных: без них мы не сможем уловить поэтическую мысль стихотворения. Смысл эпиграммы пропадет для нас полностью, если не реконструировать встающую за ней целостную картину литературных и личных отношений. Даже самый образный строй поэтического текста может оказаться чуждым и непонятным современному читателю, если он не примет во внимание, например, условности поэтического языка Жуковского, Батюшкова, да и самого Пушкина.

Здесь и приходит на помощь толкование, комментарий.

Он ставит своей целью возможно более точное и углубленное понимание старинного текста в его многообразных связях и отношениях. Подобно археологу, историк литературы должен осторожно и кропотливо раскапывать целый культурный слой, сохраняя то, что оставила ему история, и не принося в него чуждых ему элементов. Он должен «следовать за мыслями великого человека», что, согласно Пушкину, «есть наука самая занимательная», — и вправе пригласить всех желающих разделить с ним труды и радости этого предприятая, снабдив их предварительно нужными сведениями и исследовательским инструментом. Тогда ему и его спутникам будут открываться заново уже, казалось бы, хорошо знакомые произведения. Художественный текст любой эпохи — особый мир, живущий по своим законам, которые с течением времени сменяются другими и становятся «непонятными». Нет ничего ошибочнее и наивнее столь часто встречающихся попыток найти здесь намеренную «загадку», «тайну», «шифр». Загадки в старинных текстах встречаются нас на каждом шагу, — но они созданы не писателем, а временем. Нужно лишь правильно поставить вопрос, чтобы получить от самой истории правильный ответ — и в этом задача и искусство комментатора.

«Примечания» — это объяснение не столько незнакомых слов, сколько незнакомых мыслей и образов, пришедших из исторических глубин. Это попытка восстановить по крупницам духовный мир прошлого, запечатленный в литературе, его отноше-

ния и связи, союзы и полемики, судьбы человеческие и судьбы идей.

Такие «примечания» автор книги и положил в основу предлагаемых далее рассказов. Некоторые из них влекут за собой обширное повествование, по неизбежности затрагивающее общие проблемы творчества и мировоззрения художника; другие касаются частностей: одного эпизода, имени, даже слова в поэтическом тексте. Таковы пределы жанра комментария. Тема книги — пушкинская эпоха, первая треть девятнадцатого века, — преимущественная область занятий автора.

В книге читатель встретит довольно большой круг знакомых ему имен: Пушкин, Карамзин, Батюшков, Дельвиг, Баратынский, Тютчев, Денис Давыдов, Лермонтов, Гоголь... Но это отнюдь не связанная история литературы пушкинского времени. Как уже сказано, все вошедшие в книгу этюды — результат собственных разысканий автора; связанная же история создается трудами многих и предполагает проследивание магистральной линии культуры, что далеко превосходит возможности комментария. Но на некоторые общие выводы хотелось бы обратить внимание читателя.

Один из них — доминанта Пушкина и пушкинского творчества в литературе его эпохи.

Другой — зависимость Пушкина от пушкинской эпохи.

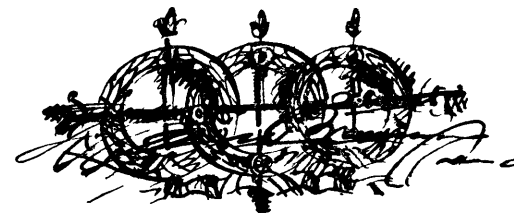
Культура коллективна по самому своему существу, и каждая культурная эпоха — непрерывный процесс взаимодействия творческих усилий ее больших и малых деятелей, процесс миграции идей, поэтических тем и образов, заимствований и переосмыслений, усвоения и отторжения. Это многоголосие — форма и норма ее существования. Творчество гения вырастает на таком полифоническом субстрате; оно усваивает себе, интегрирует, преобразует «чужие» идеи и образы, иногда отмеченные индивидуальной печатью, а иногда «ничьи», ставшие уже частью общего культурного достояния. Судьба таких идей и таких образов заслуживает особого внимания, ибо приоткрывает нам законы культурной экологии, — и потому, например, установление реминисценций и даже цитат из чужих стихов у Пушкина и Лермонтова (а этому посвя-

щены некоторые из печатаемых в книге заметок) — вовсе не бесплодное занятие. Цитата, реминисценция может функционировать в тексте как «чужое слово» и менять в нем акценты, может дать нам материал для наблюдений над технологией поэтической работы, — наконец, она наглядно показывает нам связи великого поэта с традицией и плотность поэтической среды, из которой он вырос.

На этом мы можем закончить наши предварительные замечания. Все этюды, собранные в этой книге, ранее были напечатаны. Многие из небольших заметок печатались в журнале «Русская речь» и вошли в книгу почти без изменений. Автор с признательностью должен упомянуть здесь редактора отдела «Язык художественной литературы» «Русской речи» Ю. И. Семикоза, в общении с которым устанавливался их жанр и которому принадлежит мысль собрать их в отдельную книгу. Другие статьи, публиковавшиеся ранее в специальных изданиях, потребовали переработки и дополнений с учетом фактов и исследований, появившихся уже после их выхода; они были освобождены от сугубо специальных экскурсов и терминологии и переадресованы более широкой аудитории.

Автор искренне признателен также фонду «Культурная инициатива», предоставившему средства для издания настоящих «Записок...».

ПУШКИН

«Пророк»

Среди пушкинских стихов, знакомых нам с детства, есть несколько таких, которые принято называть «хрестоматийными». К их числу относятся и стихотворение «Пророк». О нем существует большая исследовательская литература: изучают его уже более ста лет¹. О нем говорят на школьных уроках, его заучивают наизусть, на его текст исполняют знаменитый романс Римского-Корсакова. Оно кажется доступным и легким для понимания.

Между тем, легкость эта обманчива. Если мы прочтем его строка за строкой, обращая внимание на обычно ускользающие «мелочи», мы убедимся в том, что «Пророк» — стихотворение чрезвычайно трудное, что поэтическая глубина его гораздо большая, чем это кажется на первый взгляд. Образность «Пророка» раскрывается не сразу и требует от современного читателя некоторой подготовки и внимания, а художественная идея его становится более понятной, если мы свяжем «Пророка» с другими стихами Пушкина, более ранними (а иногда и более поздними), и представим себе обстановку, в которой возникло стихотворение.

Именно таким чтением и толкованием его мы и займемся, попытавшись дополнить в чем-то своих предшественников-исследователей.

Начать нам придется издалека.